

Содержание

ISSN 2587-8190

Ольга Докучаева. Мотив ограниченного знания в Стихе о Голубиной книге и в «Луцидариусе»	245
Дарья Трушина. «Родословная» сатира в «Недоросле» Д. И. Фонвизина и ее традиция в европейской литературе	256
Екатерина Лямина, Наталья Самовер. «Первые и последние стихи французские». Крылов — читатель маркиза де Кюстина.....	269
Анастасия Рожкова. Фольклорный и реальный комментарии к стихотворениям на былинные сюжеты А. К. Толстого «Змей Тугарин», «Илья Муромец» и «Алеша Попович»	281
Ольга Макаревич. Эффект бабочки, или Об одном сравнении в романе И. А. Гончарова «Обрыв»	293
Ангелина Балабаева. Личность и поэзия А. С. Пушкина в контексте литературно-критических работ Вл. С. Соловьева о русской поэзии	312
Анастасия Полумордвинова. Образ Сверхчеловека в творчестве В. Я. Брюсова: От гениальности к сумасшествию. <i>На материале ранней прозы и романа «Огненный ангел»</i>	330
Дмитрий Цыганов. Сталинская премия в системе литературного производства 1940-х — начала 1950-х годов. <i>Институциональный контекст формирования соцреалистического канона</i>	347
Евгения Ковалева. Петербургский текст в лирике Виктора Кривулина 1960-х годов	371
Екатерина Буханова. Элементы рецепции античных мениппей в повести А. Битова «Ожидание обезьян»	388
Указатель имен	409
Содержание семнадцатого тома	425

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),

А. Ю. Балакин, А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.

Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2021 XVIII (3-4)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2021 (3-4)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лапо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

Издано с использованием гранта Президента Российской Федерации,
предоставленного Фондом президентских грантов.

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2021
© «Летняя школа по русской литературе», 2021

Contents

Olga Dokuchaeva. The motive of limited knowledge in The Poem about Golubinaja kniga and <i>Lucidarius</i>	245
Darya Trushina. Pedigree satire in The Minor by D. I. Fonvizin and its tradition in European literature	256
Ekaterina Lyamina, Natalia Samover. <i>First and last French verses.</i> Ivan Krylov reads Marquis de Custine	269
Anastasia Rozhkova. Folklore and real comments on the poems on the epic plots by A. K. Tolstoy <i>The Serpent Tugarin, Ilya Muromets</i> and <i>Alyosha Popovich</i>	281
Olga Makarevich. The butterfly effect, or About one comparison in I. A. Goncharov's novel <i>The precipice</i>	293
Angelina Balabaeva. Alexander Pushkin and his poems in the context of Vl. Solovyov's literary criticism about Russian poetry	312
Anastasia Polumordvinova. The image of the Superman in the work of V. Ya. Bryusov: <i>From genius to madness</i> (Based on the material of early prose and the novel <i>The Fiery Angel</i>)	330
Dmitry Tsyganov. Stalin's Prize in the system of the literary process in 1940s — early 1950s. <i>The formation of the socialist realist canon in the institutional context</i>	347
Evgeniya Kovaleva. The St. Petersburg text in the poetry of Viktor Krivulin of the 1960s	371
Ekaterina Bukhanova. Elements of the reception of the ancient <i>menippeas</i> in the novel by A. Bitov <i>The Monkey Link</i>	388
Index	409
Content of the volume	425

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Alexey Balakin, Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

АНАСТАСИЯ ПОЛУМОРДВИНОВА
(Санкт-Петербург)

ОБРАЗ СВЕРХЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ В. Я. БРЮСОВА: ОТ ГЕНИАЛЬНОСТИ К СУМАСШЕСТВИЮ

(на материале ранней прозы и романа «Огненный ангел»)

Статья посвящена изучению динамики созданного В. Я. Брюсовым образа Сверхчеловека, наблюдаемой в процессе анализа текстов писателя. Гениальность и сумасшествие сопоставлены и представлены в качестве граней развития брюсовских героев-сверхличностей. Разбирается, каким автор представляет своего Сверхчеловека — сумасшедшим, гением и/или синтезом двух этих состояний; также выдвигается гипотеза о самостоятельном существовании в творчестве Брюсова нескольких типов рассматриваемого образа, которые выделились в процессе анализируемого поиска автора.

Ключевые слова: В. Я. Брюсов, Сверхчеловек, гениальность, сумасшествие, священное безумие.

Информация об авторе: Анастасия Алексеевна Полумордвинава, магистр, студент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: polumordvinoanastasia@gmail.com

The image of the Superman in the work of V. Y. Bryusov: from genius to madness

*(based on the material of early prose and the novel
The Fiery Angel)*

The article is devoted to the study of the dynamics of the Superman created by V. Y. Bryusov observed in the process of analyzing the writer's prose. Genius and madness are juxtaposed and presented as facets of the development of Bryusov's superpersonalities. Understands how the researched author represents his Superman a madman a genius and/or a synthesis of these two states and also a hypothesis is put forward about the independent existence in the work of Bryusov of several types of the image in question, which stood out in the process of the analyzed search for the author.

Key words: Valery Bryusov, Ubermensch, genius, madness, spiritual madness.

About the author: Anastasia Polumordvinova, master student at The Herzen State Pedagogical University of Russia. St. Petersburg, Russia.

E-mail: polumordvinoaanastasia@gmail.com

DOI 10.26172/2587-8190-2021-17-3-4-330-346

В сознание молодых людей конца XIX — начала XX веков активно внедрялась идея возможного существования Сверхчеловека. Считалось, что он был наделен способностью влиять на окружающих (обладал даром магического воздействия на людей), в том числе мог полностью изменить их жизни. Со временем этот образ проник и в литературу. Вместе с тем литературные герои, наделенные непонятной силой, присущей Сверхчеловеку — возможностью воздействовать на других, незаметно манипулировать ими, менять человеческие судьбы в угоду своим целям, обладать загадочной властью над людьми, — своим внешним обликом, поведением (примером может стать надменность Альвиана («Декадент») и убежденность в собственном гении или поведение Ренаты) и развязками сюжетных линий, в которых они были задействованы, как правило, парадоксально «не отвечали» своей сущности, то есть не являлись действительно и абсолютно святыми или уникалами.¹ Однако такие герои обычно обладали высоким интеллектом;² с их помощью авторами обыгрывался комплекс проблем «сила — слабость — власть», актуализированных в философии Ницше и активно обсуждаемых в русской литературе рубежа столетий. Для человека конца XIX — начала XX веков философия Ницше была той точкой, в которой с поразительной наглядностью преломлялись коллизии не только современной эпохи, но и целого этапа мировой истории. Философия Ницше сконцентрировала в себе ощущение тотального кризиса, который охватил европейскую культуру по истечении ее почти двухтысячелетней христианской истории. Именно Ницше в своем стремлении

¹ Белобровцева И. З., Кульюс С. К. Человек и «сверхчеловек» (к проблеме: Булгаков и Ницше) // М. А. Булгаков: Pro et contra: Антология / Сост. О. В. Богданова. СПб., 2019. С. 422–434.

² Там же. С. 423.

перестроить жизнь остро поставил вопрос об активности и воле личности, завоевывающей и творящей мир. Идеи немецкого философа широко охватили русскую культуру, его влияние испытали на себе Д. С. Мережковский и К. Д. Бальмонт, А. А. Блок и В. Я. Брюсов, Л. Н. Андреев и М. Горький, Н. С. Гумилев, В. Хлебников, Вяч. И. Иванов и др.¹ Отметим также, что в конце XIX века в русскую культуру входит мода на утверждение позиции гения, исключительного человека. О своих притязаниях на роль «избранного» молодые люди заявляли в основном в интимной обстановке, наедине с кем-то, в моменты той или иной близости.²

Многие деятели культуры конца XIX — начала XX веков, создавая своих сверхличностей, ориентировались, в частности, на ницшеанское понятие названного термина, полностью повторяя или модернизируя заложенные в него философом характеристики. Мы рассмотрим эволюцию образа Сверхчеловека в творчестве В. Я. Брюсова.

Предположительно, в большей степени можно увидеть конкретные изменения и эволюцию этого в целом характерного для брюсовского творчества образа в повести «Декадент» (1894), где формируется герой — Сверхчеловек-декадент (заведомо гениальный, в котором лишь частично, моментами проявляется сумасшествие), созданный посредством синтеза декадентства, любви и спиритизма;³ в рассказе «В зеркале» (1902), где показано, как сознание фактически сумасшедшего героя вмещает в себя черты гения; романе «Огненный ангел» (1907), демонстрирующем синтез гениальности и сумасшествия в образе Ренаты.

Отметим, что внимание раннего символизма было приковано к идеям о Богочеловеке или Сверхчеловеке: «Символизм углубил и расширил представление о внутреннем мире личности, раскрыл его многомерность. Поэтому „в фокусе сим-

¹ Белобровцева И. З., Кулыус С. К. Человек и «сверхчеловек» (к проблеме: Булгаков и Ницше). С. 424.

² Богомолов Н. А. Повесть Валерия Брюсова «Декадент» в контексте житнетворческих исканий 1890-х годов // Богомолов Н. А. Вокруг «Серебряного века»: Ст. и материалы. М., 2010. С. 120.

³ Богомолов Н. А. Повесть Валерия Брюсова «Декадент» в контексте житнетворческих исканий 1890-х годов. С. 119–129.

волистского искусства оказалось именно пересечение планов «микрокосма» личности с «макрокосмом» бытия». Внимание поэтов-символистов к личности и ее роли в истории явилось следствием появления в их творчестве идей о Богочеловеке или Сверхчеловеке»¹. Некоторые характеристики последнего были рассмотрены выше. Первый же понимается как «абсолютный человек, „представляющий собой органическое соединение человеческого и божественного начала“, синтез безусловной истины, безусловного добра и безусловной красоты. Главная задача Богочеловека — освободить человечество от Смерти и воплотить в жизнь мечту о „Царстве Божии на земле“»². То есть в то время как Сверхчеловек замещает умершего Бога, богочеловек воплощает идеал человека, который в себе синтезирует как божественное, так и природное начала. Подобные образы мы встречаем и в текстах Ф. Сологуба («Поднимаю бессонные взоры»; «О, жалобы на множество лучей» и др.), и Д. С. Мережковского («Рим» и др.) и т. п.

Брюсовский Сверхчеловек претендовал на роль демиурга, повелителя, соединяя в себе природные и божественные качества. Так Альвиан («Декадент») стоит выше других людей, старающихся быть игроками и стратегами — это выражается, например, в его сюжетном противостоянии с Ниной. Он умеет перевоплощаться в различных ситуациях, подстраиваться под конкретное общество, предугадывает поступки окружающих и управляет их жизнями, что роднит его с образами магов (герои даже называют его медиумом). Героиня рассказа «В зеркале» имеет способность общаться с зазеркальем, видеть свои разные ипостаси-отражения и различать их, а также разрушать, губить отдельные «вселенные», разбивая зеркала («От зеркал, где жили эти женщины, я спешила освободиться, в такие зеркала не смотрелась, прятала их, отдавала, даже разбивала. Но после каждого разбитого зеркала

¹ Хетагурова Д. К. Идея Сверхчеловека в поэзии русских символистов и в творчестве осетинского поэта А. И. Токаева // Прорывные научные исследования как двигатель науки: Сборник статей Международной научно-практической конференции (20 апреля 2018 г., г. Тюмень): В 2 ч. Уфа, 2018. Ч. 1. С. 253–261.

² Хетагурова Д. К. Идея Сверхчеловека в поэзии русских символистов и в творчестве осетинского поэта А. И. Токаева. С. 254.

я не могла не рыдать целыми днями, сознавая, что разрушила отдельную вселенную. И укоряющие лики погубленного мира смотрели на меня укоризненно из осколков»¹), Рената из «Огненного ангела» контактирует с ангелами и демонами, представляется в романе святой, еретичкой и т. д., легко манипулирует как Генрихом, так и Рупрехтом и др.

Сверхчеловек Брюсова — синтез качеств избранного, героя, игрока, властителя судеб и манипулятора. Все переплетения характеристик подобных героев рождает тот образ, который развивается и используется (частично или полностью) автором «Декадента» в его произведениях и после 1894 года. Но для того, чтобы раскрыть своего Сверхчеловека, Брюсов использует различные приемы, утверждая конкретные характеристики избранного, выделенные нами ранее в статье «Любовь-игра, любовь-рок и любовь-смерть в лирической повести В. Я. Брюсова «Декадент»»: ²

1. Сверхчеловек держится за наивных людей или тех, кто психологически слабее него, чтобы с их помощью адаптироваться в обществе и утвердить свою позицию: так, Альвиан пользуется наивностью Женички, убеждает ее в том, что испытывает к ней чувства, ради адаптации в кремневском обществе:

...Не особенно приветливо встретил меня Бунин, как и два года назад все еще считавшийся женихом Нины, с которым мы и прежде постоянно не ладили. Зато щеки Женички, за которой я прежде ухаживал, раскраснелись, как лермонтовская слива. Около нее я и пристроился, надеясь таким образом легче ориентироваться. Понятно, Женичка попыталась было встретить меня холодно, но еще более понятно, что это ей не удалось. Бедная девочка, должно быть, все эти два года только и мечтала обо мне. В первый же вечер мне удалось проводить ее домой. Я сказал ей, что объяснять своего внезапного исчезновения на 2 года не буду, что любовь не признает никаких объяснений и что мы должны заключить мир поцелуем. Женичка совсем смутилась, думала что-то ответить, но в конце концов я все-таки

¹ Брюсов В. Я. В зеркале // Брюсов В. Я. Земная ось: Рассказы и драматические сцены. 3-е изд. М., 1911. С. 13–23.

² См. нашу работу: Полумордвинова А. А. Любовь-игра, любовь-рок и любовь-смерть в лирической повести В. Я. Брюсова «Декадент» // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 16. № 3–4. С. 302–320.

увидел совсем близко от меня ее детские глаза и опять вспыхнувшие щечки...¹

Сходным образом Нина, несмотря на благие намерения (старания убедить мать, потерявшую ребёнка, в существовании загробной жизни), тоже пользуется верой кремневского общества в потустороннее и, имитируя контакт с духами, убеждает присутствовавших на спиритических сеансах в том, что она обладает медиумическими способностями; Рената утверждает в позиции святой, воспользовавшись тем, что монахини монастыря верят в этот факт и присваивают героине качества избранной;

2. Модель поведения гения выстроена им на основании мгновенного анализа действий окружающих его людей. Так характеризуется общество, в которое вошел Альвиан: «...за два года общество, собиравшееся на сеансах, почти не изменилось. Были те же знакомые <?> двое старичков спиритов, обыкновенно <?> молчавшие, но неодобрительно качавшие головами в ответ на мои доводы против духов; та же молодежь, смотревшая на сеансы только как на предлог собрания и смеявшаяся когда-то над моими странностями. Больше других изменился я сам, 20 лет и 22 — разница большая.<...> Женичка попыталась было встретить меня холодно, но еще более понятно, что это ей не удалось» (с. 131–132). Героиня рассказа «В зеркале» «заметила, что у каждого зеркала есть свой отдельный мир, особенный. Поставьте на одно и то же место, одно за другим, два зеркала, — и возникнут две разные вселенные. И в разных зеркалах передо мной являлись призраки разные, все похожие на меня, но никогда не тождественные друг с другом. В моем маленьком ручном зеркальце жила наивная девочка, с ясными глазами, напоминавшими мне о моей ранней юности. В круглом будуарном — таилась женщина, изведавшая все разнообразные сладости ласк,

¹ Брюсов В. Я. Декадент: Лирическая повесть в XII главах / [Публ. Н. А. Богомолова] // Богомолов Н. А. Вокруг «Серебряного века»: Статьи и материалы. М., 2010. С. 132. (Впервые опубликована: Брюсов В. Я. Декадент / Вступ. ст., публ. и прим. Н. А. Богомолова // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов / Сост. М. М. Павлова. М., 2004. С. 297–348). Далее повесть цит. по изданию 2010 года с указанием номера страницы в круглых скобках в тексте.

бесстыдная, свободная, красивая, смелая. В четырехугольной зеркальной дверце шкапа всегда выростала фигура строгая, властная, холодна, с неумолимым взором»¹;

3. Игрок не отрицает собственную природу и принимает ее (Рената с детства приняла свои сверхспособности, научилась ими управлять и верила в свою избранность);

4. Избранный всегда знает, как повлиять на свою «жертву» (человека, которого он выбрал инструментом для достижения собственной цели).

Еще одна важная особенность произведений Брюсова — в созданных им мирах может изначально существовать или оставаться (в ходе напряженной борьбы) только один Сверхчеловек.² Если в живых останутся оба, то возникает риск разрушения гармонии. В повести «Декадент» и рассказе «В зеркале» выживает Сверхчеловек, а в романе «Огненный ангел» можно посмотреть на этот процесс двояко: если мы принимаем позицию «Сверхчеловек — Рената, ее тень — Рупрехт», то наблюдаем ту же картину, что и в предыдущих текстах, однако сам герой тоже претендует на звание Сверхчеловека (только другого типа), так что здесь можно говорить и о втором векторе рассмотрения этого вопроса, который на данный момент будет сформулирован так: «Брюсов демонстрирует двух Сверхлюдей; теньевые качества в Рупрехте есть, но они проявлены слабо». Тогда возможно заявлять и об эволюции брюсовской формулы: в спирито-окультурном тексте (то есть таком, в сюжете которого содержатся как спиритические, так и оккультные образы, мотивы и др.) погибает один Сверхчеловек (о тени мы не говорим), а вторая сверхличность выживает. Этот вопрос, скорее всего, станет темой для нового исследования: является ли Рупрехт вторым Сверхчеловеком романа или только тенью гения? В рамках настоящей статьи следует лишь сказать, что пока мы придерживаемся первой позиции, но допускаем существование второй, так как видим в образе Ренаты более яркие характеристики героя-Сверхчеловека, наделенного всеми интере-

¹ Брюсов В. Я. В зеркале. С. 14.

² Полумордвинова А. А. Любовь-игра, любовь-рок и любовь-смерть в лирической повести В. Я. Брюсова «Декадент». С. 309.

сующими нас характеристиками: сверхспособности, умение манипулировать, явленное сумасшествие и т. п.

Мы попытались очертить основные характеристики брюсовского Сверхчеловека. Все они — отражение его гениальности, но она же одновременно и доводит его до сумасшествия. Поэтому для того, чтобы продолжить изучать и разбирать «Сверхчеловека» и характеристики, присущие подобным героям, нужно понять суть «гениальности» и «сумасшествия» как таковых.

Наблюдаются ли признаки сумасшествия у героев повести, рассказа и романа? Несомненно. Сумасшествие Альвиана только зарождается: молодой человек жаждет подчинить себе Нину, общество и др. Частичное безумие наблюдается в эпизодах после смерти его возлюбленной: он желает поговорить с ней, понимая, что она умерла, проводит ради этого спиритический сеанс, в действенность которых никогда не верил: «...Иногда меня охватывало непобедимое желание беседовать с ней, и я — слишком хорошо знавший тайны спиритизма — брал карандаш, бумагу, просиживал с ними целые часы и потом тщательно старался прочитать слова в тех случайных чертах, которые вывела моя усталая рука» (с. 162). Здесь следует также сказать о традиции обращения Сверхчеловека к инобытию — иному миру и, в узком смысле, иной форме своего существования. Например, брюсовский Сверхчеловек перерождается и, возвращая силы, вновь обращается к своей сущности. Так Альвиан после трагедии, случившейся с Ниной, возрождается «к новой жизни и новой любви» (с. 164), сохранив при этом свои сверхчеловеческие качества, став в определённом смысле могущественнее: «В инобытии все земные качества трансформируются <...> переживший свою земную Голгофу и утративший <...> силу <...> обретает ее в инобытии».¹ Ницше осуждал веру во внезапные решения вопросов и декларировал уход от «слишком человеческого» во имя обретения силы и власти. Человеческое начало Ницше считал слабостью, и в творчестве Брюсова

¹ Белобровцева И. З., Кульбус С. К. Человек и «сверхчеловек» (к проблеме: Булгаков и Ницше). С. 428. Далее мы излагаем теорию Ницше согласно концепции авторов этой работы.

мы можем найти некоторые пересечения с теорией немецкого философа: человеческое начало (например, проявление любви) убивает брюсовских сверхличностей или их теней, лишает сил, власти и др. Считается, что черты Сверхчеловека обретает личность, обладающая волей к власти, пользующаяся вседозволенностью, что частично мы наблюдаем в Брюсовском Сверхчеловеке. Фактически сила гения проявляется в его желании господствовать над окружающими, постепенно приводящем героя к безумию; гениальность Альвиана, смешанная со стремлением заполучить что-либо, сводит его с ума. Одним из ключевых слов в жизни Сверхчеловека является «власть»; отказаться от власти для него значит стать слабым, простым смертным, чего он не может себе позволить. Единственные страдания, которые, согласно Ницше, может испытывать подобная личность — страдания от излишней силы. В этом ключе мы можем трактовать то, что Альвиан избавляется от своей любви к Нине и продолжает жить, утверждая своё превосходство, общаясь с другими людьми.

После 1894 года Брюсов пишет рассказ «В зеркале», в котором сходный Альвиану по характеристикам герой (героиня) заведомо является сумасшедшим (сумасшедшей). Итак, Сверхчеловек сошел с ума. Сохранит ли он свою гениальность? Да. Но стоит сказать, что в рассказе «В зеркале» она уходит на задний план. Фактически перед читателем предстает женщина, общающаяся с зазеркальными сущностями, попавшая в результате борьбы со своей тенью в психиатрическую лечебницу.¹ Здесь также повторяется формула Брюсова: после продолжительной борьбы тень Сверхчеловека умирает (в данном случае остается в небытии, в пустоте, без возможности вновь отразить главную героиню), а сам гений продолжает жить физически, но гибнет духовно (теряет рассудок).

Рената из романа «Огненный ангел» представляется безрассудной, безумной, способной менять настроение и поведение за долю секунды, но при этом сумевшей убедить многих людей в своей исключительности и святости. То есть она уже не просто избранная, чье сумасшествие ускользнуло

¹ Брюсов В. Я. В зеркале. С. 22.

от общества (как в повести 1894 года), или сумасшедшая, чью гениальность не заметили окружающие (как в рассказе 1902 года). Эта героиня — синтез гения и сумасшедшего; рассматриваемые качества уравновешены в ней настолько, что однозначный ответ о ее природе в тексте отсутствует: для одних она осталась искусным манипулятором, для других — сумасшедшей, для третьих — святой и т. д. Таким образом автор осуществил переход от гениальности к сумасшествию, а позже — к их синтезу (до спирито-окультного романа «Огненный ангел» включительно) в образе своего Сверхчеловека.

В рамках разговора о сумасшествии мы также раскроем тему «священного безумия», которое с точки зрения символизма представляет собой интуитивный выход в иные миры, недоступные обычному разуму. Именно это являют читателю герои повести, рассказа и романа. В «Декаденте» есть подступы к теме «священного безумия», так как в начале текста Альвиан называется медиумом (с. 136) и принимает участие в спиритических сеансах дома Кремневых, однако в этих эпизодах (например, в третьей главе) он показан, скорее, манипулятором. Произведения «В зеркале» и «Огненный ангел» уже полностью раскрывают священное безумие брюсовского Сверхчеловека, который способен не просто видеть иные миры, но и посещать их. Тень Сверхчеловека тоже может совершать подобные действия, недоступные обычным людям.

Согласно разысканиям Вяч. Иванова (суммированным в его итоговом трактате «Дионис и прадионисийство», 1923), «священное безумие» подразумевает своего рода опьянение бытием, в котором человек соединяется со своей природой, а его душа общается с Богом — человек в этом состоянии он есть *entheos* («бога вместивший»), непосредственно соединяющийся с божеством и живущий с ним в нем. Впадая в «священное безумие», люди преодолевают границы своего бытия, для них больше не существует времени и пространства. Сверхчеловек Ницше был безумцем при жизни и благодетельствовал освобожденному им человечеству, он являлся героем нового мира, обладающим пророческим безумием и таким образом представлял собой воплощение

в человеке воскресшего Бога. В психологии, которую в настоящем исследовании мы также затрагиваем, рассматривая «сумасшествие», «священное безумие» в определенных случаях воспринимается как преодоление кризиса личности. Психологи и психиатры говорят о «священном безумии» в рамках рассмотрения психологии, духовности и психоза личности. Приведем цитату, в которой подробно описывается анализируемое состояние:

Чувство единства со всей вселенной. Образы и видения отдаленных мест и времен. Ощущения вибрирующих потоков энергии в теле, сопровождающиеся спазмами и сильной дрожью. Видения богов, полубогов и демонов. Ослепительные вспышки яркого света всех цветов радуги. Страх надвигающегося безумия и даже смерти... Любого, кто переживает подобные экстремальные психические и умственные феномены, большинство современных цивилизованных людей немедленно объявит психотиком. Вместе с тем все большее число людей, судя по всему, проходит через необычные переживания, подобные описанным выше, и вместо необратимого погружения в безумие нередко возвращаются из этих экстраординарных состояний ума с возросшим чувством благополучия и более высоким уровнем функционирования в повседневной жизни. Во многих случаях в ходе этого процесса излечиваются застарелые эмоциональные, умственные и физические проблемы и болезни...¹

Способность брюсовских «избранных» проникать в иные миры, недоступные обычному разуму, можно трактовать как сумасшествие, а также как выход, найденный сверхразумом для преодоления трудностей или поиска себя: Альвиан и Нина преодолевали личностный кризис; героиня рассказа «В зеркале» познавала мир и грани своего «я», заточенные в зазеркалье; Рената приняла собственную избранность и таким образом нашла свое предназначение в мире; Рупрехт (если мы рассматриваем его как отдельный тип Сверхчеловека) также переживал определенный этап своей жизни и осваивал через постижение иных миров и различных спирито-окультурных практик ранее непознанное. То есть священное безумие характерно фактически для всех брюсов-

¹ *Гроф С., Гроф К.* Духовный кризис: Когда преобразование личности становится кризисом / Пер. с англ. А. С. Ригина. М., 2000. С. 13

ских сверхличностей, что является проявлением как анализируемого сумасшествия, так и гениальности.

Как эволюционирует гений-Сверхчеловек? Альвиан представляет собой манипулятора-игрока, творческую личность, оказывающую влияние на жизнь определенного общества или отдельного человека. Его гениальность проявлена в большей степени (героиня рассказа «В зеркале» заведомо сумасшедшая, Рената («Огненный ангел») же одинаково безумна и гениальна). Интересно, что в самих текстах автор оставляет маркеры, четко указывающие читателю, кем является данный Сверхчеловек — сумасшедшим, гением или синтезом двух этих сущностей). Так, в начале повести сам Альвиан называет себя гением: «Родители мои еще до моего рождения порешили, что их первенец будет необыкновенный человек, и я с ранних лет привык считать себя гением.» (с. 131). Далее это демонстрируется в различных эпизодах: для того, чтобы адаптироваться в обществе дома Кремневых и продемонстрировать свое превосходство над окружающими, Альвиан манипулирует Женичкой и пользуется доверием Барбарисика:

Этого-то полушута Барбарисика я принял под свое покровительство. Еще, кажется, на моем 2<-м> сеансе на него сильно напал Бунин, жених Нины, посмеиваясь над каким-то его мнением. Я принял сторону Барбарисика и стал защищать его мнение. До сих пор я больше молчал, и Бунин, считая меня неважным противником в споре, отвечал мне нехотя. Это меня раздражило, и я <в> какие-нибудь четверть часа разбил Бунина, пожалуй, сильнее, чем это принято в обществе. Показав свою громадную эрудицию и память, я выставил Бунина перед публикой совсем невеждою и поставил его в очень смешное, если не глупое положение. Все, понятно, были смущены. Женичка сделала вся пунцовая; даже Нина изумленно посмотрела на меня из глубины кресла. После этого я пригласил Барбарисика к себе, обласкал его и открыто выступил как его друг» (с. 133–134).

Приближающееся сумасшествие также вербально акцентируется: Альвиан, влюбившись, говорит, что это чувство сродни болезни, превращающей его в маньяка «...Когда я не видел Нины, я не жил; когда я видел ее, я хотел одного —

обладать ею. Это была своего рода болезнь, расстраивавшая мои нервы, превращает<ая> меня в какого-то маньяка.<...>» (с. 141). То есть изначально брюсовский Сверхчеловек — гений, в котором мы видим лишь предпосылки развития сумасшествия. Возможно также, что своими сверхличностями автор подтверждает позже доказанный в XXI веке клинической психологией факт: любое отклонение от установленной нормы может характеризоваться как патология.¹ То есть любое проявление гениальности или сумасшествия является отклонением, вследствие этого данные качества личности можно назвать родственными. Поэтому в абсолютном Сверхчеловеке невозможно существование гениальности без сумасшествия и наоборот.

В рассказе «В зеркале» автор также помещает указание (уже в подзаголовке «Из архива психиатра») на доминирующее качество Сверхчеловека этого текста (сумасшедший), и точно вводит проявления гениальности сумасшедшей героини в текст. Сверхчеловек (Альвиан) начал сходить с ума, однако смог удержаться на границе реальности; героиня рассказа «В зеркале» сошла с ума; Рената заведомо предстает сумасшедшей и гениальной в равной степени. Таким образом можно увидеть эволюцию брюсовского Сверхчеловека (в том случае, если мы принимаем за Сверхчеловека названные образы, а остальных (Нину, отражение и Рупрехта) ставим в ранг теневых героев. Это можно сделать, так как в «Огненном ангеле» не раз проявлена тeneвая природа Рупрехта).

Гениальность героини рассказа «В зеркале» проявляется в ее стратегических умениях, позволивших ей вести игру со своей тенью и воздействовать на неё, чтобы выбраться из зазеркалья. Фактически все названные герои проявляют свою гениальность в умении играть (то есть манипулировать, управлять человеческими жизнями, разворачивать ситуации в пользу своих целей). Рената указывает людям новые пути

¹ Решина Н. В., Воронцов Д. В., Юматова И. И. Теория и методология клинической психологии // Решина Н. В., Воронцов Д. В., Юматова И. И. Основы клинической психологии: Учеб. пособие для студентов вузов. Ростов-на-Дону, 2003. С. 15–30.

в определенные моменты их жизней (таким, как Рупрехт и Генрих, например, или монахини монастыря) — образно говоря, она создала определенную эпоху в жизнях некоторых людей, некий отличающийся от их бытия этап. Она одарена природой особенными способностями. Для принимающих ее святость Рената является олицетворением добра, а для считающих героиню лишь искусительницей и манипулятором — зла. В романе гений также овладевает культурным наследием прошлого, преодолевает определенные нормы и традиции. То есть ярко выражены как сумасшествие героини, так и ее гениальность. В то же время Рупрехт — больше гений, чем сумасшедший. На контрасте с Ренатой он предстает ее спутником, поэтому в данном контексте Сверхчеловеком в романе стоит назвать именно героиню.

Гениальность и сумасшествие в творчестве Брюсова представлены в качестве граней развития созданных им сверхличностей. Автор, моделируя своего Сверхчеловека, рассмотрел несколько вариантов проявления этих граней: более гениальный в повести в двенадцати главах «Декадент», нарочито сумасшедший в рассказе «В зеркале», балансирующий между этими состояниями в романе «Огненный ангел». Это вывело определенную эволюцию, представленную в настоящем исследовании, и конкретизировало в «Огненном ангеле» возможность равноправного существования рассмотренных качеств в Сверхчеловеке как таковом. Развитие Сверхчеловека от гения до сумасшедшего у Брюсова можно отчетливо увидеть именно через три анализируемых произведения, которые мы решимся гипотетически назвать точками перелома образа. В контексте творчества автора сумасшествие представляется предельным состоянием гениальности, завершением его эволюции, так как Альвиан доходит до сумасшествия, героиня рассказа «В зеркале», будучи по своей природе гениальной, сходит с ума и попадает в конце произведения в психиатрическую лечебницу, а Рената, балансируя между названными состояниями, в итоге умирает, будучи предельным выражением сверхличностного начала, который может явить гений: девушка верит в возможность общения с другими мирами, практикует это, но не теряет связь с реальностью и затягивает в свои практики

других людей. В ней синтезируются образы, опробованные Брюсовым в предыдущих текстах. Писатель демонстрирует Сверхчеловека, в сущность которого заложен баланс между гениальностью и сумасшествием.

Стоит отметить, что важной чертой брюсовского Сверхчеловека является также проанализированная невозможность существования в этом состоянии: Брюсов демонстрирует, что земному человеку стать абсолютным Сверхчеловеком, в котором синтезируются гениальность и сумасшествие, невозможно — поэтому Рената умирает физически и духовно. Если адепты философии Ницше говорят о смерти Бога для утверждения жизни Сверхчеловека, то Брюсов показывает смерть (в различных ее проявлениях) самого Сверхчеловека. Автор доказывает, что человек, рожденный в этом мире, фактически не способен дорасти до абсолютного Сверхчеловека, — человеческая природа слаба и даже индивид, в котором изначально заложены предпосылки сверхразума, не может принять чистое сверхличностное начало и существовать с ним в гармонии.

И все же каким Брюсов представляет своего Сверхчеловека — сумасшедшим, гением и/или синтезом двух этих состояний? Скорее всего, истинный Сверхчеловек, обладающий всеми качествами подобной личности, — недостижимый синтез гения и сумасшедшего, что явлено в Ренате. Однако нельзя отрицать, что также справедлива и другая гипотеза: в творчестве Брюсова самостоятельно существуют несколько типов рассматриваемого Сверхчеловека/сверхсущества, которые выделились в процессе анализируемого поиска (каким должен быть брюсовский Сверхчеловек: в большей степени гением, сумасшедшим или синтезом двух этих состояний). Между рассматриваемыми текстами не наблюдается ярко выраженного плавного перехода от одного образа к другому (есть только какие-либо пересечения, маркирующие названные нами особенности сверхсущств). Например, между «Декадентом» и «В зеркале» можно отметить стихотворение «Ламия» 1900 года или несколько текстов сборника «Urbi et orbi» («Искатель», «У земли» и др.). Между рассказом и романом 1907 года можно зафиксировать примеры из сборника «Stephanos» («На Сайме», «Адам и Ева», «К олим-

пейцам», «Жрице луны», «Видение крыльев», «Два голоса и др.). В названных выше произведениях есть точечные проявления рассматриваемых характеристик и синтезов, вроде «брёда исканий» («Я — твой сын, я тоже — прах, / Я, как ты, — звено созданий. / Так откуда — страсть и страх, / И бессонный бред исканий?»¹) лирических героев или повторения формулы концепта любви в «Ламии», но самая тесная связь и плавный переход от одного образа к другому на данный момент были замечены между исследуемыми повестью, рассказом и романом. На основе настоящего анализа хотелось бы наметить связь рассмотренных текстов и указать на эволюцию брюсовского Сверхчеловека (от гениальности через сумасшествие к синтезу двух названных состояний), чтобы в дальнейшем рассмотреть этот вопрос более подробно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белобровцева И. З., Кюльюс С. К.* Человек и «сверхчеловек» (к проблеме: Булгаков и Ницше) // М. А. Булгаков: Pro et contra: Антология / Сост. О. В. Богданова. СПб., 2019. С. 422–434.
2. *Богомолов Н. А.* Повесть Валерия Брюсова «Декадент» в контексте жизнетворческих исканий 1890-х годов // Богомолов Н. А. Вокруг «Серебряного века»: Ст. и материалы. М., 2010. С. 119–129.
3. *Гроф С., Гроф К.* Духовный кризис: Когда преобразование личности становится кризисом / Пер. с англ. А. С. Ригина. М., 2000.
4. *Полумордвинова А. А.* Любовь-игра, любовь-рок и любовь-смерть в лирической повести В. Я. Брюсова «Декадент» // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 16. № 3–4. С. 302–320.
5. *Репина Н. В., Воронцов Д. В., Юматова И. И.* Теория и методология клинической психологии // Репина Н. В., Воронцов Д. В., Юматова И. И. Основы клинической психологии: Учеб. пособие. Ростов-на-Дону, 2003. С. 15–30.
6. *Хетагурова Д. К.* Идея Сверхчеловека в поэзии русских символистов и в творчестве осетинского поэта А. И. Токаева // Прорывные научные исследования как двигатель науки: Сборник статей Международной научно-практической конференции (20 апреля 2018 г., г. Тюмень): В 2 ч. Уфа, 2018. Ч. 1. С. 253–261.

¹ *Брюсов В. Я.* У Земли // Брюсов В. Я. Urbi et orbi: Стихи 1900–1903 г. М., 1903. С. 18.

REFERENCES

1. *Belobrovceva I. Z., Kul'yus S. K.* Chelovek i «sverhchelovek» (k probleme: Bulgakov i Nicshe) // M. A. Bulgakov: Pro et contra. Antologiya / Sost. O. V. Bogdanova. SPb., 2019. P. 422–434. (In Russ.)
2. *Bogomolov N. A.* Povest' Valeriya Bryusova «Dekadent» v kontekste zhiznetvorcheskih iskanij 1890-h godov // Bogomolov N. A. Vokrug «Serebryanogo veka»: Stat'i i materialy. M., 2010. P. 119–129. (In Russ.)
3. *Grof S., Grof K.* Duhovnyj krizis: Kogda preobrazovanie lichnosti stanovitsya krizisom / Per. s angl. A. S. Rigina. M., 2000. (In Russ.)
4. *Polumordvinova A. A.* Lyubov'-igra, lyubov'-rok i lyubov'-smert' v liricheskoj povesti V. Y. Bryusova «Dekadent» // Letnyaya shkola po russkoj literature. 2020. T. 16. № 3–4. P. 302–320. (In Russ.)
5. *Repina N. V., Voroncov D. V., Yumatova I. I.* Teoriya i metodologiya klinicheskoj psihologii // Repina N. V., Voroncov D. V., Yumatova I. I. Osnovy klinicheskoj psihologii: Ucheb. posobie. Rostov-na-Donu, 2003. P. 15–30. (In Russ.)
6. *Hetagurova D. K.* Ideya Sverhcheloveka v poezii russkih simbolistov i v tvorchestve osetinskogo poeta A. I. Tokaeva // Proryvnye nauchnye issledovaniya kak dvigatel' nauki: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (20 aprelya 2018 g., g. Tyumen'): V 2 ch. Ufa, 2018. Ch. 1. P. 253–261. (In Russ.)